

На краю города: от различий к сегрегации

Татьяна Шманкевич

В статье представлены результаты полевого исследования внутригородской сегрегации, проведенного в районном центре Иркутской области Усолье-Сибирском. Это так называемый сжимающийся город: вследствие происходящей сейчас трансформации прежней экономической системы он теряет население, социальную и экономическую инфраструктуру. Ситуация в нем типична для городов, чей бурный рост пришелся на советское время. По отношению к таким городам речь должна идти уже не об их развитии, а о возможности управления деградацией городского пространства, что позволило бы сделать процесс «сжимания» относительно плавным и менее болезненным для населения.

В качестве гипотезы выдвинуто предположение, что социопространственное знание может рассматриваться в качестве ресурса выживания. В качестве объекта исследования выбрана восточная окраина Усолья — поселок Каркасный, возникший в 1950–1960-е годы на пике социалистической индустриализации, а в настоящее время представляющий собой яркий образчик социальной деградации, обусловленной упадком градообразующего предприятия. Применен социоструктурный подход, предполагающий изучение проекции социальных реалий в физический мир. Используются методы качественной социологии: биографические и проблемно ориентированные интервью, а также метод включенного наблюдения. Хотя полного теоретического насыщения в ходе исследования не достигнуто, о некоторых выводах можно говорить с большой долей уверенности. Воспринимаемый со стороны как однородное криминализованное сообщество, Каркасный в действительности населен людьми с разными статусами и ценностными приоритетами. Вместе с тем в целом он представляет собой тот случай, когда физическое пространство навязывает общий статус жителям окраины. Однако стигматизация Каркасного как пространства жизненной неуспешности не абсолютна и является конструктом, многими жителями этой окраины неразделяемым, что выводит на новую исследовательскую проблему — проблему «добровольной» депривации.

Татьяна Юрьевна Шманкевич, преподаватель лицея № 1, директор общественно-го учреждени «Усольский городской молодежный социологический центр», г. Усолье-Сибирское, Иркутская область.

В Усолье-Сибирском я живу более десяти лет. Исследователь, изучающий среду своего проживания, всегда рискует попасть в ловушку «границ собственного опыта». Но, «являясь определенным препятствием знанию, опыт может, тем не менее, трактоваться как своего рода информация»¹, не доступная человеку со стороны. Принципиально важно, чтобы при столкновении с исследуемой ситуацией социолог оставался верен дюркгеймовскому правилу: «социальное следует объяснять социальным». Такой позиции я и старалась придерживаться при проведении исследовательского проекта по изучению сегрегационных процессов в провинциальном российском городе на примере Усолья-Сибирского².

Первоначально латинское *segregare* означало «разделять стадо». Позже палитра значений дополнилась другими указаниями на насильственно-разделительный характер передаваемого этим словом действия: «разделять на части», «изолировать», «отдалять/отстранять»³. Этимологическая «транскрипция» понятия достаточно четкая, чего нельзя сказать о трактовках его современного содержания, нередко используемого «для обозначения отличных друг от друга явлений социальной действительности»⁴. Поэтому, прежде чем представить в статье первые результаты исследования, мне следует остановиться на своей позиции в данном вопросе.

Говоря об изменениях в методологии изучения городского пространства и его сегрегации, Ив Графмейер отмечает, что «выражение различных измерений социальной жизни все менее мыслится в макроэкономических категориях», переходит на уровень «локальной среды, межличностных связей, индивидуальных биографий, ситуаций взаимодействия»⁵. Ян Костцы подчеркивает, что именно регион «представляет собой пространство для действий и выборов, для структурирования и ограничений всего того, что связано с повседневной жизнью»; он же рассматривает место нашего проживания как точку пересечения макромира общества как всеобъемлющей реальности и микромира индивидуальной включенности в жизнь общества⁶. Вывод об эффективности анализа сегрегации на микроуровне актуален и для российских городов: как пишет А. Чешкова, «наблюдение за отдельными агентами и отдельными местами... города может выявить существующие различия и избежать сильных импликаций по поводу социальной структуры и единственно верного деления городского пространства»⁷.

Та же Чешкова предложила классификацию стратегий, используемых при исследовании сегрегации: анализ морфологии города,

социоструктурный подход, культурное восприятие городского пространства, внимание к локализациям практик в городской среде. Каждая стратегия в отдельности дает свое видение пространства и сегрегации, поэтому автор классификации приходит к выводу о преимуществе осознанной эклектики. Принимая в целом обоснованность этого вывода, я в своей работе все-таки отдаю предпочтение социоструктурному подходу, в рамках которого предполагается, что связи между пространственными и социальными структурами раскрываются как проекция социальных реалий в физический мир⁸.

Ряд отечественных социологов, занимающихся проблемой сегрегации, считают, что при изучении российского материала возможности данного подхода оказываются ограниченными. Причина — в преемственности современного российского города и города советской эпохи, в котором нетрудно было обнаружить «пространственную близость представителей различных социальных групп»⁹. Тезис о «растущей однородности по образу жизни городского и сельского населения, а также населения центра и окраин»¹⁰ не был только следствием идеологического давления на социологию города. Помимо наследия советской жилищной политики, которая была нацелена на пространственное смешение социальных слоев¹¹, среди особенностей проблемного поля советского/российского города называют ригидность самого расположения жилища¹² и незавершенность процесса сегрегации¹³. Все это справедливо — как равным образом справедливы предположения о перспективности изучения локализации досуга, потребления, коммуникаций, места работы и т. д., — но не отменяет системных достоинств социоструктурного подхода. Их доказательством может служить работа О. Трушенко¹⁴; ее автор, опираясь на теоретические положения Бурдьё, на примере Москвы показывает, как социалистическая идеология равенства на деле трансформировалась в иерархию городских локалов и в исключительный доступ высокостатусных групп советского общества к определенным местам городского пространства.

Еще более эффективным социоструктурный подход представляется в нашем случае — в случае рабочего поселка Каркасный, восточной окраины Усолья-Сибирского, где специфика физического пространства получила почти идеальное соответствие в специфике пространства социального. В качестве наиболее яркого примера широкого социокультурного контекста взаимосвязи социального и физического пространства П. Антипин приводит как раз рабочие поселки с их «высокой степенью концентрации представителей

данной социальной группы на определенной территории»¹⁵. Графмейер отмечает, что городская рабочая окраина, будучи порождением индустриализации, «традиционно сочетала завод и жилые на территории, отличающейся общностью условий труда и стилем жизни»¹⁶. Оба эти суждения вполне приложимы к Каркаскому.

Усолье-Сибирское — город с населением 104,6 тыс. человек¹⁷, районный центр Иркутской области. С 1960-х годов среди усольчан укоренилась привычка разделять его на Старый (исторический) и Новый город. В то время, благодаря строительству химкомбината и самого мощного в России солевакуумного завода, Усолье превратилось в крупный центр химической индустрии Восточной Сибири. В результате и возник Новый город. В нем структурно выделяются Центр, Привокзальный район, расположенный за железной дорогой, по другую сторону от основной части города Зеленый городок и восточная рабочая окраина, поселок Каркасный, нередко противопоставляемый всему остальному городскому пространству, которое при таком противопоставлении называют просто **городом**.

Возникший на пике индустриального бума, Каркасный складывался вокруг сользавода и строительного треста. Точнее, в 1950–1960-е годы восточная окраина подразделялась на три самостоятельных образования: Жилгородок (для рабочих сользавода) и поселки Каркасный и Вакуумный (для «кадров» треста «Востоктяжстрой»). Однако в дальнейшем название «Каркасный», вытеснив два других, распространилось на всю окраину.

Каркасный дом — это временка, представляющая собой деревянный каркас, поверх которого наносятся деревянная же обшивка и сухая штукатурка. Рассчитаны такие дома максимум на 15–20 лет. Таким образом, в самом названии «Каркасный» изначально подразумевался временный характер поселения. И угасание Каркасного действительно началось с середины 1970-х. Но главная причина упадка была все же не в том, что вышел срок эксплуатации значительной части жилого фонда поселка. Просто к этому времени Каркасный выполнил свое предназначение: основные объекты возведены, строители переквалифицируются на другие рабочие профессии, в самом поселке строительство больше не ведется. В 1970–1980-е годы переезд из Каркасного в город мотивировался, как правило, желанием улучшить жилищные условия, с 1990-х к этому добавляется стремление покинуть социально неблагополучный район. Задача данной статьи и заключается в том, чтобы попытаться ответить на вопрос, как и почему с определенным физическим пространством

прочно связалось представление о жизненной неуспешности и понятие «край города» получило новое социальное звучание.

В основу исследования положены методы качественной социологии, в первую очередь биографические и проблемно-ориентированные интервью. В качестве экспертов были проинтервьюированы представители властных структур города, в том числе занимающие высшие должности в городской иерархии. Доступ к таким экспертам объясняется не столько личными контактами автора, сколько особенностью самого поля: в малом городе нет жесткого барьера между властью и «народом», поддерживается иллюзия, что «городская власть вместе с нами». Необходимое количество интервью не было определено заранее; на данном, зондажном, этапе продолжающегося исследования взято десять биографических и восемь проблемно-ориентированных интервью.

Кевин Линч писал о том, что город необходимо понять не просто как «вещь в себе», но и как образ, воспринимаемый его обитателями. «Всякий индивидуальный образ уникален, он охватывает какое-то содержание, которое никогда или почти никогда не передается другим, но при этом он в большей или меньшей степени совпадает с общественным образом, обладающим в различных типах окружения большей или меньшей обязательностью»¹⁸. Я попыталась дать интерпретацию образа городской окраины, каким его видят ее бывшие обитатели, для которых разрыв с Каркасным стал в той или иной мере стратегией выживания. Это люди, родившиеся в Каркасном, но покинувшие его. Они, как правило, имеют высшее образование, и их жизненный мир резко отличается от жизненного мира подавляющего большинства жителей рабочей окраины. Так, у информанта Владимира три высших образования, сейчас он работает юрисконсультom на молокозаводе. Наталья и Ирина — учителя, преподают в одном из самых престижных образовательных учреждений города. Их коллеги Ольга и Светлана больше не живут в Каркасном, но местом работы выбрали «свою родную школу» — единственную в поселке среднюю школу № 8.

Интервью с учителями имеют особое значение. Один из исследовательских фреймов — взгляд на проблему сегрегации через анализ способов пересечения городского и школьного пространства. Инициаторами такого подхода в свое время выступили французские социологи¹⁹. В частности, Эмиль Дюргейм, сравнивая школьную жизнь с зародышем жизни социальной, утверждал: «Чем мы лучше знаем общество, тем лучше сможем объяснить себе все, что проис-

ходит в том микрокосме, каковым является школа»²⁰. В статье я пытаюсь взглянуть с другой стороны, показать, как школа может послужить лакмусовой бумажкой, индикатором сегрегационных процессов, происходящих в городе.

**«Детство, проведенное на Каркасном, —
самое счастливое время в моей жизни»,
или Время «красивых домов»**

Усольский краевед М. Аринкин вспоминает, как в конце 1950-х, в пору расцвета Каркасного, вместо бараков начали строиться «аккуратные, красивые двухэтажные дома с центральным отоплением». Тогда они казались символом прогресса — особенно при сравнении с жилыми домами Старого города²¹. Один из наших информантов, Владимир, детство которого пришлось на то время, много и с удовольствием говорит об истории восточной окраины Усолья. Характерно его высказывание: *«Детство, проведенное на Каркасном, — самое счастливое время в моей жизни».*

Каркасный дом, в котором жила семья Владимира, давно снесен, мальчику же он казался целым миром. С восторгом вспоминает респондент о «сумасшедшей» дворовой жизни. В единый ассоциативный ряд сливаются дворовые забавы: футбол, шахматы, карты, домино, лапта (поясняет дочери: *«похоже на бейсбол»*), мороженое по девять копеек и покупка соседями первого **в доме** телевизора. *«Это был телевизор “Рекорд”. Мы всем домом ходили смотреть... Вторым в доме (с гордостью. — Т. Ш.) телевизор купил мой отец. Правда, роль телевидения тогда была не сопоставима с ролью кинотеатров. Без ДК “Строитель”, “Солевар”, “Родина” мы не представляли себе жизнь».* Образ дома как единого мира усиливается рассказом о том, как **всем домом** ходили на демонстрации, а затем выносили столы на улицы и «гуляли» всем двором. *«Все праздники все вместе. И мы, ребяташки, тут же».*

Каркасный, кажущийся уникальным нашему информанту, на самом деле типичен. Он представляет собой ограниченное пространство, в центре которого находится предприятие, сосредоточившее вокруг себя всю социальную структуру: жилые дома работников, образовательные учреждения, находящиеся на балансе предприятия, сферу торговли и услуг. Л. Бляхер выделяет существенную особенность такого типа организации городского пространства, а именно:

масштабное наступление публичной сферы на частную. «Люди, получившие квартиры в том же доме, что и я, работают со мной на одном предприятии. На нем же работают родители одноклассников моего ребенка. Предприятие определяет время и место “коллективного отдыха”. Список можно продолжить»²². С изменением экономической ситуации публичная сфера терпит ущерб, деформируется. В связи со спадом производства разрушается относительная однородность мест старой промышленной застройки. И как результат — резко снижается интенсивность коллективных действий, что усиливает ностальгию в воспоминаниях информантов.

Владимир вспоминает, как много было в Каркасном детей. *«Приезжали люди в основном молодые. В каждой семье было по 2–3 ребенка. Мы жили в двухэтажном доме на восемь семей. Так вот, только в нашем доме была собственная футбольная команда, да еще запасная»*. Бывшая одноклассница Владимира Наталья так же тепло говорит о своем поселковом детстве: *«Жили мы на улице Солеваров в деревянном доме на два хозяина, все удобства на улице. И мои родители, и соседи были рабочими сользавода. Все мои друзья жили на Каркасном. В город мы почти не выходили. Исключением был Дом пионеров и школьников, который находился тогда в Старом городе и кружки которого мы очень любили»*. Владимир в своем интервью, напротив, утверждает, что жесткого разделения не было: *«Город такой маленький, до всего рукой подать»*. Может быть, потому что на мальчишку с Каркасного смотрели с некоторой опаской и уважением? *«Сказать, что ты с Каркасного, было круто»*, — говорит Владимир с нескрываемой гордостью. Он вспоминает, что кроме Дома пионеров и школьников, много времени проводил в Центральной детской городской библиотеке, в кинотеатре “Родина”, на местном курорте, привлекавшем своим парком и хорошей библиотекой. И Владимир, и Наталья сходятся во мнении, что в самом Каркасном центром жизни были школа и дворцы культуры «Строитель» и «Солевар». *«Первый располагался в каменном двухэтажном здании, второй в обыкновенном бараке рядом с сользаводом. Но нас это не смущало, в нем бурлила жизнь. Во дворце проходили все праздники, большинство школьных мероприятий»*. Наталья без всякой иронии называет деревянный барак дворцом, тут в ее восприятии нет противоречия.

Подобно большинству людей, и Владимир, и Наталья идеализируют свое детство. Но, видимо, существовало что-то, что притягивало к Каркасному, давало его жителю ощущение гордости за место, где он жил. Здесь, на восточной окраине Усоляя произошла встреча

различных миграционных потоков — бывших жителей деревень, бывших уголовников и политзаключенных, ссыльных поселенцев и молодых людей, приехавших по комсомольским путевкам, — встреча различных культур, непохожих жизненных опытов. Возникла сложная, маргинальная по своей сути субкультура, позволявшая каждому вписаться в охватываемое ею пространство, найти свое место. Каркасный стал нишей для этой субкультуры, способной создать «чувство идентичности и комфорта». В этом смысле Каркасный — показательный пример того, как «сегрегация порождает “приватизацию” территории сообщества и делает взаимодействие в этом пространстве предсказуемым и персонализированным»²³.

Такие разные свои

Географически Каркасный от основной части города отделял пустырь, «воспетый» местным поэтом: *«Пошел я через ширь — / Трясинное раздолье, — / Где отделял пустырь / Каркасный от Усолья»*²⁴.

Устоявшемуся и довольно однородному по составу населению Старого» города противостоял новый, чрезвычайно пестрый контингент. Местных жителей на восточной окраине было немного. «Жители Жилгородка были в основном выходцами из Забайкалья, которых привезли в начале 30-х годов, когда закрылась граница с Китаем»²⁵. Вакуумный населяли репатрианты с Украины и Литвы. «Особенно было много тех, кто помогал “лесным братьям”, — вспоминает Владимир, — выселяли ведь целыми деревнями». Вообще выходцев из деревень среди приезжих было много. Они оседали на краю города, переноса сюда традиционный сельский уклад. Строили частные дома, обзаводились хозяйством. Приехавшие молодые люди, как правило, не были профессиональными строителями. Новые профессии они приобретали на месте: сначала строили химкомбинат и солевакуумный завод, потом на них работали. Из интервью Владимира: *«Много было людей, освободившихся из тюрем и лагерей. Среди них были как уголовники, осужденные за уголовные преступления, так и политические. В нашем доме было двое репрессированных, оба прошли войну, а потом, не знаю за что, были осуждены»*.

То, что среди жителей Каркасного было много отсидевших, формировало особый уклад отношений, в какой-то мере предопределяло судьбы. *«Среди моих одноклассников часть ушла в техникум, часть в зону»*. Вместе с тем Владимир подчеркивает, что неблагополуч-

ность была, но не фатальная. Принадлежность к Каркаасному, по его мнению, не рассматривалась однозначно как клеймо. *«У тебя было право на свой выбор, если ты хотел учиться, для этого были все условия»*. За категоричностью этого утверждения скрывается попытка отстоять иллюзию равенства Каркаасного. Но, несмотря на добрые отношения, которые существовали среди таких разных **своих**, эти различия существовали. В первую очередь они выражались в том, какие ценности и для кого были приоритетными.

Из интервью Натальи: *«У нас был выпуск — два класса. До 9-го было три класса, а затем нас разделили на два, всего где-то человек 60. Из них после окончания школы в вузы поступило человек десять. Дело не только в способности и желании-нежелании учиться дальше и даже, на мой взгляд, не в материальных возможностях семьи. Мне кажется, дело в том, что, не учась, можно было нормально устроиться в жизни, устроиться сначала учеником на производстве, дальше самому стать мастером, получить от предприятия квартиру. Раньше это было просто»*. Наталья говорит об уверенности «рабочего человека» в завтрашнем дне и даже об определенном его преимуществе перед человеком образованным: *«Вот смотри, когда я через пять лет после окончания университета вынуждена была начинать все с нуля, у моих одноклассников, тех, кто работал, были уже хорошо обставленные квартиры, они были хорошо одеты, крепко стояли на ногах. Вообще у тех, кто жил на Каркаасном, была твердая уверенность в завтрашнем дне. Я не могу сказать за весь город, потому что тогда Усолье для меня это был прежде всего Каркаасный»*. Неудивительно, что среди покидавших поселок в 1970—1980-е годы преобладали люди с более высоким образовательным цензом. Из-за того, что оно не стало главной ценностью Каркаасного, образование формировало *milieu* (франц. — среда, социальные круги) людей, нацеленных вовне — на Усолье, на **город**. Именно город, который прежде ассоциировался с чем-то инородным, будет давать человеку с высшим образованием больше возможностей для самореализации. Наверное, с этого времени пространственное положение, понимаемое как место проживания индивида или социальной группы, и начинает рассматриваться «как индикатор успеха или неудачи»²⁶. Но то будет десятилетием позже. А в 1950—1960-е годы, вспоминает Наталья, Каркаасный воспринимался как единый мир. *«Люди были разные. Но жили как-то дружно»* (выделено мной. — Т. Ш.). Последняя фраза очень важна для понимания ситуации: пусть унификации изначально не было, зато было ощущение равенства «своих». Возможно, маргинальность

положения различных социальных групп и стала основой единства всей их совокупности — жителей Каркасного, что отчасти находило выражение в противопоставлении себя остальному городу с его устоявшимся укладом, устоявшимися жизненными практиками.

Почему жить в поселке было не только «не стыдно», но и почетно, отчасти объясняет интервью с Тамарой (63 года, образование высшее, коренная усольчанка). Она так передает, чем для них, детей города пятидесятых, был Каркасный: *«Это был какой-то новый мир, который притягивал к себе. Как мне кажется, дело в том, что среди жителей Каркасного было много ссыльных политических с запада. Это были очень интеллигентные люди. Мы ведь росли оторванные от культуры, не знали музеев, театров. Общение с ними было как глоток свежего воздуха. Многие из них были семейные. Их дети учились в восьмой школе и во многом определяли дух этой школы. Скучность во всем была страшная. Ведь сначала они жили по три семьи в одной комнате. Это потом стали строить каркасные здания. Но именно эти люди вселяли в нас какую-то надежду»*. Характерная для Сибири позиция. Рассуждая, например о декабристах, говорят: если для России их роль неоднозначна, то ссылка их в Сибирь стала для последней счастьем²⁷.

Еще одно очень яркое детское впечатление Тамары от Каркасного — это «необыкновенная молодежь». *«Туда помимо всего прочего направляли неугодную молодежь. Может, вы знаете. Их называли “стиляги”. Это были потрясающие люди. Они всему Каркасному придавали особый стиль. Они, как все, работали на строительстве города. Но они строили город и в переносном смысле, выстраивая новые отношения, придавая им неизвестный дотоле шик. Тогда были в моде так называемые “пяточки”, места, где собирались потанцевать. Нас, детей со всего города тянуло туда, как магнитом. Мы смотрели и думали: “Какие это необыкновенные люди”*». В этом было отличие Каркасного от рабочих окраин крупных городов: он не укладывался в бинарные оппозиции «центр — окраина», «буржуазный — рабочий», «благополучный — запущенный», «освещенный — темный» и т. д.²⁸ Каркасный вобрал в себя пафос всесоюзной комсомольской стройки, став на короткий отрезок времени символом нового, передового²⁹. В его сложном мире, объединенные маргинальностью своего положения, нашли место представители самых разных *milieu*. Но как показывает его же история, для сохранения этого единства маргинальность оказалась недостаточно цементирующим составом. В особенности после того, как многие из «необыкновенных» людей, придававших Каркасному особый статус, покинули его...

«Неудобный район»

Изменения ситуации в городе в целом сказались и на образе его окраины. При этом общим для прежнего и нового образов Каркасного остается вызываемый им страх. Но если раньше страх соединялся с уважением и даже восхищением, то теперь «криминальный» Каркасный только отталкивает и люди боятся «участи жить на Каркасном».

Мама Натальи, которая до сих пор живет в поселке, переезжать не хочет, привыкла к этому району, к соседям. На подобный феномен преобразования пространственной близости в социальную солидарность указывает П. Антипин: «Идентификация индивида с определенной территориальной общностью сопровождается формированием ценностей и норм, специфичных для территориальной общности и направленных на ее воспроизводство»³⁰. Вместе с бабушкой живут старшая дочь Натальи Елена (28 лет, заочно учится в Иркутском государственном педагогическом университете) и ее дети. Здесь уже другая причина: Елена не может позволить себе купить квартиру в другом районе, хотя на работу ездит в центр города, а дочь свою возит в школу, расположенную рядом с местом работы. Объясняет это так: «*Все приличные родители стараются отдавать своих детей в другие школы, несмотря на неудобства, связанные с дорогой*». Случай Елены — типичный пример невысокой резидентной мобильности тех российских граждан, которые, с одной стороны, не удовлетворены местоположением своего жилища, с другой, не имеют возможности изменить место жительства и потому вынужденно избирают «стратегию самоизоляции от соседского окружения, используя жилье только для проведения ночных часов»³¹. Такое новое отношение к Каркасному как месту проживания становится типичным с конца 1990-х, когда за ним прочно закрепляется слава неблагополучного района, места жизненной неуспешности.

Первые «разрывы» с Каркасным мотивировались лишь желанием улучшить жилищные условия. С 1970-х годов здесь не ведется строительства, поэтому решить квартирный вопрос можно было, только переехав в другой район города. Наиболее ценился переезд даже не в центр, а в кварталы новостроек. Впрочем, это было характерно и для других, более крупных, городов, например для Хабаровска, где, говоря словами Бляхера «общая тенденция статусного распределения состояла в том, что наибольшим статусом обладало место позднейшей застройки»³².

Из интервью Светланы (37 лет), переехавшей в 1987 году. На мой вопрос, не живет ли она сейчас в Каркасном, она как-то резко ответила: *«Нет, в городе»*. Но и предположение, что она с радостью покидала Каркасный, не подтвердила. *«Тогда чувства радости не было. Просто решили с мужем жить отдельно от родителей и купили квартиру в городе. А вот если бы переезжала сейчас, точно радовалась бы. Сейчас здесь стало жить очень неудобно. Раньше у нас были и парикмахерская, и аптека, и детская поликлиника, специализированные магазины, сберкасса. Сейчас этого ничего нет»*. Дом, в котором размещались практически все перечисленные службы, местные жители называли «сердцем Каркасного». Теперь у него такой же плачевный вид, как и у всего поселка, единственное его украшение — вывеска ВИНО. ВОДКА.

Итак, Каркасный — **«не-город»**, неудобный район, удаленный от центра, с массой бытовых проблем. Правда, совсем недавно открыли новый продуктовый магазин. Расположен он в единственной «высотке» Каркасного — четырехэтажном доме или «четырёхжке». Ассортимент товаров здесь такой же, как и в городе, а вот отношения продавца и покупателя — другие. Девушка-продавец очень довольна своей работой: *«Народу к нам приходит много. Все друг друга знают. Порой что-то заказывают, мы стараемся удовлетворить их просьбы, особенно если бабушка какая попросит»*. Не раз от респондентов слышала, что «четырёхжка» — остаток прошлого, когда «всем домом ходили на демонстрации, а потом гуляли всем двором». В любом случае сейчас этот дом представляет собой исключение из общей картины. Из интервью Елены, живущей в «четырёхжке»: *«Дом наш мне нравится. Семьи почти все молодые. Объяснение простое: квартиры на Каркасном очень дешевые, молодые их покупают, ремонтируют, обустривают свою жизнь»*.

Почему такая практика не получила широкого распространения, поясняет Ольга (33 года). *«На Каркасном сейчас очень много пустующих квартир. Несмотря на низкие цены не только по сравнению с Иркутском, но и по среднегородским меркам, желающих купить их нет. Люди обеспеченные предпочитают другие районы, а для людей бедных и эти невысокие цены оказываются неподъемными. К тому же тут очень высокие цены за коммунальные услуги. В результате недорогие квартиры становятся очень дорогими. Квартиры на Каркасном большие. Поэтому квартплата очень высокая: за трехкомнатную квартиру — под две с лишним тысячи. Пенсионеры и льготники платят тысячу-полторы»*. Отпугивает потенциальных покупателей и изношенность домов

Каркасного, требующих капитального ремонта. Одни проблемы, как правило, порождают другие. Удаленность от центра города, бытовая неустроенность, квартплата не по карману оборачиваются для Каркасного проблемой брошенных квартир и пустующих домов. Продать дом или квартиру в Каркасном очень проблематично. Для многих состоятельных усольчан уже сами низкие цены на квартиры — маркер неуспешности района. Можно перефразировать вывод В. Вагина³³: не только престижность места определяет стоимость жилья, но и цена на квартиру может приводить к росту или снижению статуса места. Забитые окна квартир — довольно привычная картина для Каркасного.

Что касается частных домов, то, покидая их, люди, как правило, не забрасывают прежнее жилье, находя ему иное применение. *«Таких домов много. Люди их используют летом как дачу, а в другое время года они без надзора, следовательно, доступны для воровства. Отсюда частые грабежи»* (из интервью Ольги). Но практика держать частные дома на Каркасном под дачи не всеми расценивается столь однозначно. Так, местный участковый находит в этом и положительную сторону: *«Хозяева их — люди состоятельные. Приезжают на машинах. Наблюдают за домом»*. Вообще, по его мнению, то обстоятельство, что Каркасный в основном состоит из частного сектора, также может считаться положительным фактором: преобладают там старики, они, если даже и пьют, особых хлопот не доставляют. Детей в Каркасном немного, а наличие рядом с домом огорода лишает их *«лишнего свободного времени. Этим детям безобразничать некогда»*.

Некая патриархальность образа Каркасного не раз возникала во время бесед с информантами: **мир, в котором все друг друга знают**. *«Мы часто возвращаемся домой, когда совсем темно. И ничего не боимся. Может потому, что нас тут все знают»* (из интервью Ольги). *«Здесь все проще. Я могу на улице выйти в чем угодно»* (из интервью с молодым человеком, бабушка которого живет в Каркасном). Даже о расположенной на территории Каркасного средней школе № 8 говорят, что ее отличает особый микроклимат: *«Несколько деревенский уклад жизни. Школа маленькая, все друг друга знают. Все друг у друга на виду. Все живут рядом. Сама директор по утрам ходит по проспавшим, стучит в ставни»* (из интервью с инспектором по делам несовершеннолетних). На фоне этой идиллии непонятно, откуда же тогда берется страх перед «криминальным» Каркасным?

Не хочу, чтобы Жилгородок называли Каркасным

Пьер Бурдье обращает внимание на то, что оценки и интерпретации людей формируются сложным образом: на них, конечно, влияет ситуация «здесь и сейчас», но они также являются «результатом разыгрывавшихся ранее символических битв». В схемах восприятия окружающей реальности всегда присутствует прошлое и будущее³⁴. Я в этом убедилась, когда во время бесед с жителями восточной окраины города меня не раз поправляли: не Каркасный, а Жилгородок. Наиболее раздраженно реагировала Светлана. *«Само название “Каркасный” по традиции связывают с криминальным районом. Раньше так это и было. На Каркасном, Вакуумном раньше в основном проживали бывшие заключенные, сосланные, поселенцы»*. Светлана намеренно не делает различия между бывшими уголовниками и политзаключенными. Она подчеркивает, что Жилгородок всегда был спокойнее, поскольку здесь жили не уголовники, а рабочие сользавода. Респондентка наносит удар по иллюзии внутреннего единства восточной окраины: *«В 50–60-е годы, по рассказам родителей, была даже вражда, драки между этими тремя поселками»*. Светлана родом не из Каркасного — в первоначальном, узком смысле этого слова, — а из Жилгородка. Ей и не только ей кажется несправедливым выбор **горожан** — распространение названия «Каркасный» на всю восточную окраину. *«Сейчас, по сути, Каркасного нет, так, несколько домов осталось, строили ведь их на время. Вакуумный вообще исчез. А дурная слава осталась»*. Названием город навязывает окраине якобы несвойственный ей образ.

«Навязывает» он Каркасному и собственное социальное неблагополучие — в виде так называемой обратной миграции. Жилье в поселке, освободившееся из-за переезда обеспеченных семей в город занимают, как правило, куда менее обеспеченные семьи из города. Причем в последнее время географические рамки враждебного понятия «город» расширились: в Каркасный «сбрасывают» социально неблагополучные семьи из Иркутска. *«Это очень сложные семьи. То, что наблюдается рост преступности, — прежде всего результат миграции. Преступления совершают в основном приезжие. Часто кражи совершают дети, вынужденные так зарабатывать себе на жизнь. Если будет и дальше рост миграции, будет и рост преступности»* (Светлана). Возникает новое деление на «своих» и «чужих», и в роли «чужих» все чаще выступают люмпенизированные иркутяне.

Новые времена — новые «чужие», или «Это не наши дети»

Официально о новой практике заселения Каркасного нигде не говорится. Но в городе о ней разговоров много. Вот как ситуацию комментирует Наталья. *«Там дельцы у них скупают квартиры, взамен почти за бесценок покупают квартиры на Каркасном. Среди вновь прибывших много пьющих, неработающих, наркоманов. Уровень преступности резко возрос, частыми стали квартирные кражи».* По этой причиной другая информантка, Ирина (42 года), вынуждена была продать свою квартиру в Каркасном, где она прожила всю жизнь, и купить квартиру в другом районе города. Она рассказывает: *«Мы уже боялись, что нам не удастся продать эту квартиру. Желающих переехать на Каркасный не находилось. И вдруг неожиданно повезло».* На семью Ирины вышел перекупщик-посредник, работающий на иркутского босса, некую даму, переселяющую малообеспеченные многодетные семьи из Иркутска. *«Им предлагают за известное вознаграждение обмен на Усолье. В иркутской квартире делают крутой евроремонт и продают за бешеные деньги. Но чтобы опекунский совет дал разрешение на обмен, необходима в Усолье крупногабаритная квартира».* Квартира Ирины подошла идеально — 76 квадратных метров. *«Нам повезло, а вот тех, кто переехал в нашу бывшую квартиру, искренне жаль».* Хотя, на первый взгляд, все не так плохо. Бывшая квартира Ирины в отличном состоянии, помимо ее и денежного вознаграждения, въехавшая семья получила деревянную кладовку и огород рядом с домом. *«Но как подумаю, что в этой семье много детей, становится страшно за их судьбу. Даже если семья порядочная, уберечь детей от дурного влияния Каркасного очень сложно».* Ирина убеждена, что главное «неудобство» Каркасного — не удаленность от центра и отсутствие в нем бытовых услуг (*«когда у тебя машина — это не проблема»*), а сама среда Каркасного. Еще до переезда семья Ирины как бы дистанцировалась от места своего жительства: Ирина с мужем работали в городе, сын учился сначала в одной из **городских** школ, затем поступил в лицей. *«Иначе шанса поступить в лицей не было бы никакого. Не случайно среди лицеистов нет ни одного ученика, поступившего из “восьмерки”».* Ирина даже сравнивает «восьмерку» со школой коррекции: *«В классах по 13–15 учеников, я сама учительница и хотела бы такого небольшого наполнения классов, но уж слишком сложный там контингент учащихся».*

«Восьмерка», то есть школа № 8 в Каркасном представляет собой особый социальный феномен, во многом теоретически предсказан-

ный П. Щедровицким в его анализе амбивалентной перспективы постсоветского развития школы. Щедровицкий полагал: наряду с тем, что будет происходить последовательная передача несвойственных школе функций другим социокультурным институтам, — церкви, семье, культурным центрам — именно на базе школы будут разворачиваться ранее ей несвойственные функции «просто потому, что больше их не на чем развить»³⁵. И для школы Каркасного такой функцией стала функция дома. В пору расцвета Каркасного, в 50–60-е годы восьмая школа «гремела» по городу. В ней была необычная среда, которую создавали как учителя, так и ученики, в первую очередь дети «политических», транслировавшие особую культуру, ценности, жизненные принципы. В настоящее же время она наглядно иллюстрирует не раз уже описанный механизм сегрегации школьного пространства, когда из школ, расположенных в проблемных районах, уходят и сильные ученики, и сильные учителя. Уникальность «восьмерки» заключается в ином: школе, отличающейся сложным контингентом учащихся, удалось избежать ловушки озлобления, выливающегося во вспышки насилия, что, по мнению Бурдье, является защитной реакцией проблемных подростков, которых «подпустили к миру культуры, но не дали никакого инструментария для овладения его благами»³⁶. Для многих своих учеников «восьмерка» оказалась единственным «островком заботы и человеческого тепла». Она являет собой пример «сегрегации с человеческим лицом». Что, впрочем, не меняет самой сути сегрегационного процесса: если вслед за Луи Пэнто взглянуть на школьную систему как на «тотальную классифицирующую машину», характеризующуюся единством двух операций, одна из которых «преобразует социальную классификацию... в классификацию школьную», другая же «школьную классификацию превращает в социальную»³⁷, то становится ясно, что «восьмерка», удерживая обездоленных в своем лоне, эту же обездоленность и закрепляет.

С тем, что контингент учащихся действительно сложный, соглашаются работающие в школе № 8 Ольга и Светлана, объясняющие это сложностью самого района. Между прочим, Ольга обратила мое внимание на то, что среди учащихся «восьмерки» нет детей беженцев. «Они (беженцы. — Т. Ш.) предпочитают центральные районы города. Хотят нормальных условий» (под «нормальными» условиями вновь подразумеваются бытовые удобства). Говоря же об учащихся школы, Ольга и Светлана подчеркивают их трудолюбие: у них, в отличие от **городских**, масса обязанностей по дому и огороду. При этом

обе информантки сами сейчас живут в городе, но идентифицируют себя по-прежнему с местом, где родились, выросли и работают. Именно здесь они ощущают свою востребованность, здесь их все знают, относятся к ним с уважением.

Здесь перед нами случай, обратный случаю Ирины. Для Ольги и Светланы мир Каркасного остался **своим**, — хотя само название их не устраивает. Отсюда желание защитить этот свой мир, **своих** детей. Лучшее средство защиты — нападение, а лучше нападать — на **чужих**. В какой-то мере роль «чужака» по-прежнему играет город, от него вся «зараза»: настоящий разбой, проституция, наркотики. Соответственно подчеркивается, что Каркасный **не** город — совсем в духе «культуркритики», акцентированной на противопоставлении города и «мудрой в своей простоте» сельской общности³⁸. Но все чаще всплывает тема **мигрантов**, чьи семьи и дети стали источником бед Каркасного. Речь, как правило, идет о переселенных из Иркутска многодетных малообеспеченных семьях. *«Наши агентства хорошо наладили эту работу, не подкопаешься»* (из интервью Ольги). Ольга рассказывает историю Саши С., переехавшего вместе с семьей из Иркутска. В Иркутске у них была однокомнатная квартира, в Каркасном получили трехкомнатную, земельный участок рядом с домом, немалую для семьи сумму денег. Но денег этих вряд ли надолго хватит, поскольку родители нигде не работают, как и большинство переселенных из Иркутска (*«для своих работы нет, да и не привыкли они работать, так что даже если и устроятся на работу, задержатся там ненадолго»*). Огород такие семьи тоже не спасает, так как *«навыка трудиться у них нет, пьют, детям внимания не уделяют. Вот в этом году еле-еле посадили Сашу С. 9-ти лет. Посадить — это такая школьная практика: школа выявляет не обучаемых по микрорайону детей и “садит” их за парту. Есть дети, которые в 1-й класс садятся в 10–12 лет. Там у себя они были сами себе предоставлены, никому до них не было дела»*. Заметьте в рассуждениях Ольги и Светланы постоянное противопоставление «там» и «у нас». Корни зла коренятся **там**. При этом учительницы искренне стремятся помочь вновь приехавшим детям, считают, что работу с ними нельзя назвать неблагодарной, поскольку не избалованные родительским вниманием дети умеют ценить «людскую заботу». О том же Саше С.: *«Ему так понравилось учиться, оказался такой способный мальчик. Ему даже нравится просто быть в школе, домой идти не хочет»*. Но тут же констатируют: случай Саши особенный, чаще их *«добрые дела оборачиваются им боком»*, портят школьную статистику. Из 11 учащихся,

выбывших в течение первой четверти, трое осуждены: один из приезжей многолетней семьи, родители лишены родительских прав, «снял металл» на железной дороге (Ольга комментирует: «*Наши-то близко к железной дороге не подходят*»); второй, семиклассник, осужденный за убийство, — из «наших» (и соответственно совсем иной комментарий: *Сам не причем, а всю вину на себя взял*); третьего («*тоже не наши*»), пятиклассника, судили за грабеж. Ольга не скрывает огорчения: «*Обидно, мы их сами выявили, “посадили” учиться. А они нам столько проблем, такое клеймо дали. Я постоянно везде говорю, что это не наши дети*» (выделено интонацией информанта. — Т. Ш.). Светлана уточняет: «*Не нами выращенные*». Под «не нами» подразумевается не только школьный коллектив, но и вообще среда Каркасного. Точка зрения довольно распространенная. Большинство респондентов сложную обстановку в Каркасном увязывают с нашествием чужаков. Многие из чужаков, особенно дети, заслуживают сострадания, но все вместе они *портят картину на Каркасном*».

Анализируя восприятие социального пространства через призму «свои — чужие», Сузан Илькан напоминает вывод Зиммеля: «чужой» всегда воспринимается не как индивид, а как социальный тип, столкновения с которым «касаются не только связей между Я и другими, но и восприятий пространства, направления, поселений, обитателей, близости и дистанции, отсутствия и присутствия»³⁹. Наши информанты, усматривая в чужих чуть ли не главную причину обострения бедствий Каркасного, не отрицают, что и среди оставшихся коренных жителей очень много безработных. Из предприятий, давших жизнь этой городской окраине, на данный момент функционирует лишь сользавод, да и он еле держится на плаву: по данным отдела кадров, сейчас на нем работает только 47 человек из Каркасного. Город тоже не в состоянии предоставить рабочие места всем желающим. Отсюда — низкий уровень жизни многих семей Каркасного. Кто-то спасается за счет огорода да реки, другие пьянствуют, и здесь уже нет деления на своих и чужих: есть люди стремящиеся выживать, несмотря на трудности, и даже гордящиеся этим, и есть совсем деградировавшие. Но в любом случае мы имеем дело со стратегией выживания при почти полном отсутствии ресурсов, «необходимых для нормативного социального воспроизводства», а это, по мнению ряда авторов, и является критерием «новой бедности»⁴⁰.

И все же и в наши дни неверно представлять среду Каркасного как абсолютно гомогенную. Ее обитатели различаются по своему социальному статусу. Правда, те, чей статус повыше, все чаще относятся к Каркасному как к спальному району, куда им приходится возвращаться. Их социальные сети замыкаются на городе: там не только работа, но и досуг, большинство друзей. Та же Елена, когда я попросила ее подробнее рассказать о жителях Каркасного, призналась, что близко в поселке сейчас никого не знает: *«Так — “здравствуйте” при встрече и не больше»*. Ситуация, довольно характерная для **города**, где соседи по площадке не знают друг друга: но для **поселка**, где «все друг друга знают», это новая тенденция.

Общее впечатление от Каркасного — это впечатление нищеты: пустынные улицы, убогие дома, развалины старых строений. Однако жители поселка неоднородны и по материальному достатку. Немало опустившихся семей; это про их детей учительницы рассказывали, что, отсидев два-три урока, они вынуждены идти добывать пропитание, часто не только себе, но и своим родителям. Много в Каркасном стариков, которые «живут своим огородом» или помощью детей, переехавших в другие места. Особую категорию составляют «сезонники» — те, кто тоже переехал, но сохранил за собой дом в Каркасном «под дачу». Мотивы у них разные: кто-то просто не допускает мысли, что можно продать родительский дом; кто-то бы и продал, да желающих не находится; кто-то дорожит не столько домом, сколько местом на берегу Ангары (в «химическом» городе близость химкомбината не пугает, да и доходы большинства переехавших не позволяют им купить дачу в экологически благополучном районе). Так что вряд ли всех «сезонников» или «дачников» можно отнести к «состоятельному населению», как полагает местный участковый. Другое дело, что на фоне соседствующей нищеты они выглядят вполне благополучно. Есть среди жителей Каркасного и действительно крепкие хозяева, как, например, друзья Ирины: *«...Люди состоятельные...Их держит хозяйство. Помимо квартиры прямо во дворе гараж, кладовки, большой огород»*. Правда, тех, кого ситуация неуспешности не затронула, немного.

Вместе с тем, при всей этой неоднородности, Каркасный в целом представляет собой тот случай, когда физическое пространство, «объективируя социальное деление»⁴¹, навязывает общий статус жителям окраины. Что и выразила в своем интервью Ирина: *«Если скажешь, что ты с Каркасного, где угодно, даже в больнице, к тебе сразу предвзятое отношение. Раз с Каркасного, значит “бичиха”»*.

* * *

Как уже отмечалось, в статье проанализирован взгляд на Каркас-ный тех, кто, выстраивая свою жизненную траекторию, его покинул, постаравшись дистанцироваться от места, стигматизированного как пространство жизненной неуспешности. Безусловно, таким образом ограниченный анализ не может претендовать на полноту. Но, как верно замечает З. Сокулер, поскольку классификации социологов часто отличаются «от тех классификаций, сквозь призму которых сами индивиды осмысливают, принимают или пытаются изменить свое положение»⁴², исследование представлений о социальном пространстве разных социальных групп, в этом пространстве находящихся, обретает особую важность. Чем полнее нам удастся выявить спектр таких представлений, тем обоснованней будут наши выводы о социопространственном знании как ресурсе выживания. Пока в этом направлении нами сделан только первый шаг. Но и сейчас уже можно утверждать, что стигматизация Каркасного как пространства жизненной неуспешности не абсолютна. Это, как правило, взгляд со стороны, многими жителями Каркасного не разделяемый. С одной стороны, исследование подтвердило вывод Бурдьё о том, что «собрание в одном месте населения, одинаково страдающего от дефицита социального капитала, производит эффект усиления этой лишенности»⁴³. С другой, мы вышли на проблему «добровольного» подчинения, «добровольной» депривации, когда ситуация, при взгляде со стороны определяемая как депрессивная, самими жителями рассматривается не просто как естественная, но и во многом как позитивная, привлекающая неспешным ритмом жизни среди себе равных. Инерция жизни подменяет собой стабильность.

Конечно, закавычивая добровольность, я тем самым подчеркиваю номинальность подобного квазидобровольного выбора. Ибо он объясняется почти полным отсутствием у «социальных групп того вида ресурса, который адекватен праву выбора в конкретной социально-экономической ситуации». В результате выбор сводится к возможности выбирать лишь из того, что еще «не занято»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пэнто Л. Личный опыт и научное требование объективности // Р. Лемуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань. Начала практической социологии. М., Институт экспериментальной социологии; СПб., Алетейя, 2001. С. 32.

- ² Исследование проводится под руководством автора статьи при участии старшеклассников — членов Усольского городского молодежного социологического центра.
- ³ *Wieviorka M. Ségrégation // Supplément au dictionnaire de sociologie sous la direction de André Akoun et Pierre Ansart / Collection dictionnaires Robert. Paris, Seuil, 1999. P. 475.*
- ⁴ *Воронов А. Социологическая интерпретация понятия «сегрегация» // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. 3. М., Альфа — М., 2003. С. 633–664.*
- ⁵ *Графмейер И. Социологические исследования города // Социология и социальная антропология. Современная французская социология. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 161.*
- ⁶ *Костцы Я. Жизнь на периферии: потребность в промежуточных шагах на пути радикальной трансформации общества // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация, М., 2002. № 1. С. 32.*
- ⁷ *Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В. В. Вагин / Московский общественный научный фонд. Серия «Научные доклады». № 116. М., 2000. С. 35.*
- ⁸ *Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология политики. М., Socio-Logos, 1993. С. 33–52.*
- ⁹ *Антипин П. Особенности социального зонирования городского пространства Перми. Посвящается 275-летию Перми // Российское городское пространство... С. 79.*
- ¹⁰ *Барсукова С. Тенденции социального зонирования российских городов // Российское городское пространство... С. 41.*
- ¹¹ См.: *Меерович М. Г. Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.). Очерки истории. Иркутск, Изд-во ИрГТУ, 2003.*
- ¹² *Чешкова А. Указ. соч. С. 34.*
- ¹³ *Бляхер Л. Пространственная сегрегация Хабаровска: теоретико-методологические этюды // Российское городское пространство... С. 58.*
- ¹⁴ См.: *Трущенко О. Престиж Центра: городская социальная сегрегация в Москве. М., Socio-Logos, 1995.*
- ¹⁵ *Антипин П. Особенности социального зонирования... С. 87.*
- ¹⁶ *Графмейер И. Социологические исследования города... С. 164.*
- ¹⁷ *Вокруг Байкала: Мини-энциклопедия. Путеводитель. 4-е изд., перераб. и доп. / Авт.-сост. С. Н. Волков. Иркутск, ООО РИА «РИКО», 2001. С. 298.*
- ¹⁸ См.: *Линч К. Образ города. М., Стройиздат, 1982. С. 50–51.*
- ¹⁹ *van Zanten A. Ville et école // Cities. Ciudades. Villes. Le courrier du CNRS, 1996. № 82. P. 37–38.*
- ²⁰ *Дюркгейм Э. Социология образования. М., ИНТОР, 1996. С. 57.*
- ²¹ *Аркин М. Позабыт, позаброшен // Вереница, Усолье-Сибирское, 2002. № 11. С. 13.*
- ²² *Бляхер Л. Пространственная сегрегация Хабаровска... С. 63.*
- ²³ *Чешкова А. Методологические подходы... С. 26.*
- ²⁴ *Горбунов Н. Баллада о доме. Цит. по: Шаманский В. Ф. Усолье-Сибирское. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. С. 210.*
- ²⁵ *Аркин М. Указ. соч. С. 13.*
- ²⁶ *Барсукова С. Тенденции социального зонирования... С. 46.*
- ²⁷ *Оценку декабристов см.: Коваль С. Декабристы и современность // Земля Иркутская, 1996. № 6; Худяков А. Декабристские вечера. (Беседа с консультантом отдела*

организационно-творческой и финансово-экономической работы комитета по культуре администрации Иркутской обл. А. А. Худяковым / Записал С. Корбут // Культура, Иркутск, 2003. № 1–2; *Шостакович Б.* Польская «Усолиада» // Земля Иркутская, 2000. № 13. С. 29.

²⁸ Ср.: *Герасимова Е., Чуйкина С.* От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России. СПб., 2000. С. 38.

²⁹ Подробнее см.: *Шманкевич Т.* Усолье-Сибирское. Разрушение локальной идентичности в условиях «сжимающегося» города // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность. Проблемно-тематический сборник. Под ред. В. И. Дятлова, С. А. Панарина, М. Я. Рожанского (рукопись).

³⁰ *Антипин П.* Особенности социального зонирования... С. 89.

³¹ *Чешкова А.* Указ. соч. С. 34.

³² *Бляхер Л.* Пространственная сегрегация Хабаровска... С. 68.

³³ В. В. Вагин в предисловии к сборнику «Российское городское пространство: попытка осмысления» пишет: «Престижность тех или иных городских мест все больше определяется стоимостью жилья в данном месте. Дифференциация стоимости жилья становится важным фактором выбора местожительства». См.: *Вагин В.* Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия // Российское городское пространство... С. 7.

³⁴ *Сокулер З.* Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / Отв. ред. Л. В. Гирко. М., ИНИОН РАН, 2003. С. 29.

³⁵ *Щедровицкий П.* Очерки по философии образования. М., 1993. С. 53.

³⁶ Цит. по: *Сокулер З.* Указ. соч. С. 53.

³⁷ *Пэнто Л.* Личный опыт и научное требование объективности... С. 46.

³⁸ *Барсукова С.* Тенденции социального зонирования... С. 40.

³⁹ *Илькан С.* Социальные пространства и микрополитика дифференциации: Пример из Северо-Западной Турции // Социальное пространство... С. 113.

⁴⁰ См.: *Радаев В., Шкартан О.* Социальная стратификация: Учебное пособие. М., Аспект-Пресс, 1996.

⁴¹ *Бурдьё П.* Социология политики... С. 37.

⁴² *Сокулер З.* Указ. соч. С. 29.

⁴³ Цит. по: *Сокулер З.* Социальное и географическое пространства... С. 61.

⁴⁴ *Барсукова С.* Тенденции социального зонирования... С. 50.